

Две недели все пациенты отделения онкологии перешёптывались и гадали, кого отпустят домой на праздники, а кому придётся встречать Новый год в больнице.

Наталье повезло.

Выйдя на широкое крыльцо приёмного покоя, укутанная в шубейку, с медицинской маской на лице вместо шарфа, она остановилась, осторожно вдохнула морозный воздух, будто пробуя его на вкус и привыкая к свежести. Душа наполнилась тихой радостью.

«Иногда, чем дальше уйдёт вгач, Наташенька, тем лучше для больного. – Наталья хмыкнула, вспомнив напутствие ЛазОревича. – Всё, что могли на сегодняшний момент, мы сделали. Твоя задача – побегечь себя и думать только о хогошем».

ЛазОревич был вообще-то ЛазорОвичем Иосифом Абрамычем, хирургом от бога, с лёгкой удачливой рукой. Но поскольку его колобковая фигура вкатывалась в отделение вместе с солнцем, то Наталья и придумала эту версию фамилии, напоминающую утреннюю зарю.

Приходя в отделение, ЛазОревич громогласно шутил, цеплял по дороге к ординаторской косолапой ступнёй пару стульев, отчего просыпались последние сони, и закидывал торопливыми вопросами медсестёр. На весь этот утренний переполох больные привычно хихикали, повторяя sacramентальную фразу: «Ну, началось утро в курятнике!»

В воздухе, в солнечном свете серебристо мелькая, медленно кружились редкие снежинки. От яркого снега слепило глаза. Наталья чуть прикрыла веки, отчего снег стал скрыться ещё больше.

«Прямо как в царстве Хозяйки Медной горы, – вспомнила она кино своего детства. – Ну, нет, туда мне ещё рановато. Всё! Всё! Надо выбросить из головы эти месяцы слёз, страхов, надежд и разочарований».

– Не думай о пгошлом! – мило грассируя, наставлял ЛазОревич. – Не бойся будущего, живи здесь и сейчас! Смегхть дала тебе отсгочку – иди гадуйся!

– Ну, я пошла...

– Тебя встгетят?

– А как же! делегация с цветами выстроится!

Встречать Наталью было некому. Болезнь быстренько провела ревизию в списке друзей, резко его сократив и тем переполнив перечень приятелей, знакомых и сослуживцев. Нет, конечно, первое время звонили, пытались навещать, но состояние было такое паршивое, что Наталья пресекла эти попытки встреч и пустых обидрений.

Кому бы надо было всё рассказать и кто бы примчался по первому зову – так это Лиза. Но потому и молчала Наталья, скрывая от дочери и диагноз, и лечение. Лиза, исполнив свою мечту, жила далеко. В чужой стране всё непросто налаживалось.

«И вот наконец только всё устроилось, и тут я – «здрате, помираю», – думала Наталья, извиняя себя за враньё дочери.

Врала она, что у ноута слетела система, поэтому поговорить по скайпу никак не получается.

– Очень сложная поломка, печат... Пока по телефону будем говорить.

– Что у тебя там за программисты? Сколько можно восстанавливать? Давай я тебе денег брошу, новый купишь, – возмущалась Лизка.

Наталья отнекивалась и тянула время. Зато сегодня она насмотрится на свою умницу и красавицу вдоволь...

Ну, сколько ни стой, а идти надо.

Будто боясь расплескать что-то внутри себя, Наталья стала тихонько спускаться по ступеням больничной лестницы. Дойдя до остановки автобуса, которая была прямо за забором онкоцентра, поняла, что слабость никуда не делась, дыхание сбилось и легкий тремор появился в ногах.

«Ничего, прорвёмся. А кому сейчас легко?» – вспомнила она старую шутку, ухватилась за автобусный поручень и внесла свою хрупкость в железное и тёплое тело машины.

«Тебе и легко! Ты ж сейчас легче пёрышка! Ветер дунет, и рассыплешься», – саркастически заметила возникшая из ниоткуда Наталка.

«Не дождёшься! Надоела ты мне, отстань», – устало огрызнулась Наталья и устроилась у окошка, благо пассажиров было мало и автобус, поджидая наполнения, не торопился двинуться по маршруту.

Наталка появилась в самое страшное время. Когда после очередного сеанса «химии» Наталья лежала пластом. Болело всё, не было сил открыть глаза, и от постоянной тошноты только разговоры и спасали. И они говорили-говорили-говорили. В основном Наталка, и в основном о том, что не так, неправильно...

И вот все капельницы и уколы закончились, а Наталка осталась.

Наталья глянула на окна своего отделения. В одном из них маячила фигура доктора.

«Неужели смотрел, как я шла? Вот же суета!» – она с благодарностью помахала рукой.

Увидел ли доктор её прощальное помахивание или просто успокоился, что Наталья села в автобус, но через мгновение окно отражало только тонкую паутинку зимнего неба.

Автобус, мерно урча, неторопливо ехал по городу. Снежинки мерцали на красочных гирляндах, маленьких и больших ёлках, что выставили у магазинов и зданий, на снежных и ледяных фигурках.

Город готовился к празднику. Наталья вспомнила давний Новый год в бывшем своём отделе. Дурачились, хохотали, придумывали костюмы и пантомиму к ним.

«Кем я-то была? Вот же, забыла!»

Николай Андреич вырядился доктором – в белый халат, который не сходился на его немалом животе, где-то даже стетоскоп раздобыл и выслушивал коллективное сердце. А Сашка Лякушев натянул на себя костюм конькобежца, но рассекал по отделу почему-то в настоящих лыжах вместо коньков. Да-а! Весело жил культмассовый отдел!

«Нет уже ни Николая Анреича, ни Сашки. Царствие им Небесное, – заметила Наталка. – Ты сбилась на грустное, а надо думать о хорошем!»

«А что было в жизни хороше-го?» – покорно задалась вопросом Наталья.

«Лизка, конечно, Лизка!»

«Да-а-а! Это самое хорошее, просто отличное, что было, есть и будет!»

«С мужчинами, что? Не зада-лось?» – шепнула Наталка.

«Нет. Хотелось сильного, а попадались слабаки».

«Жалела всех, сочувствовала всем», – подсказала собеседница.

«Всем, кроме одного», – согла-силась Наталья.

Тому, первому, боли долго не прощала. Проклинала, пока Лиз-ка не родилась, а потом была даже благодарна. За урок. Но мужчинам с тех пор говорила: «Вы не меня любите, вы любите своё отраже-ние в моих глазах». И в конце кон-цов оказывалась права.

«Ну, и чего ты добилась? Оди-ночества?»

Автобус подъехал к рынку.

«Хватит бубнить, выходим!» – закрыла наметившуюся дискус-сию Наталья.

Идти домой с пустыми руками не имело смысла: ключ оставлен у соседки на всякий пожарный, дома никто не ждёт, и в холодильнике тамышь, что повесилась, уже и иссохла.

На рынке было всё! Среди зимы прилавки овощных киосков ломи-лись от южных фруктов, теплич-ной зелени и овощей.

«Боже, как мы стали жить!» – восхищалась Наталья, обходя тор-говые точки и сравнивая цены.

Денег в кошельке было немно-го. Денег всегда было немного.

Наталье вспомнилось время, когда, вот так же бродя по рынку, она выбирала, чем бы накормить Лизку. Денег хватало на что-то одно, а вернее ни на что не хватало.

«Когда мне говорят про 90-е годы, я вспоминаю этот Тёплый рынок, где я ходила между прилав-ками с комом в горле от отчаяния, что ничего не могу купить. И ког-да посреди рынка увидела сидя-щую на полу тётку, перед которой на расстеленном грязном платке возвышалась гора мелочи, остол-бенела. Буквально гора! Я, бегая с работы на работу, была просто нищенкой по сравнению с этой попрошайкой. С тех пор никогда не подаю милостыню».

«И морщишься при виде бом-жа», – добавила Наталка.

«Да, но не из чистоплюйства! Просто уверена, если человек хочет, он найдёт и работу, и жильё. Я же смогла. Значит, эти люди сде-лали свой выбор».

«Опять сбилась на самое тоскливое», – констатировала Наталка.

Наталья даже остановилась от недовольства собой. Как будто это могло остановить бесконечно для-щуюся беседу, в которой повторя-лись вопросы, повторялись ответы и формулировки доводились до совершенства.

Силы были на исходе, и надо было хоть что-то купить к новогод-нему столу. Не видя большой раз-ницы в цене, Наталья пристроилась в одну из очередей к фруктовому киоску.

«Откуда только ни везут эти фрукты!»

Наталья принялась читать цен-

ники: мандарины – Абхазия, мандарины – Марокко, мандарины – Китай.

«Лизка маленькая обожала мандарины, молотила их, как семечки»

Наталья улыбнулась, вспомнив, как стояла дома украшенная ёлка, дочь усаживалась к телевизору и поглощала одну за другой заранее очищенные оранжевые дольки.

«Была ведь ещё история с мандаринами», – подсказала Наталка совсем-совсем забытое приключение.

«Точно. Когда же это было?»

«В 85-м? В 86-м?»

«Скорее в 86-м, Лизке года три было. Боже, как я могла забыть об этой смешной истории?!» – удивилась сама себе Наталья.

«Смешная? Это хорошо! Это то, что доктор прописал, вспомни!» – попросила Наталка.

«Это было какое-то «горячее» повышение квалификации. В наш Дворец культуры пришла профсоюзная дама... Конец декабря – никто не хочет ехать... Спросила: может, есть желающие?»

«10 дней в тогда Ленинграде! Это ж мечта!» – подтолкнула память дальше Наталка.

«Не то слово! Проезд и проживание за профсоюзный счет, когда ещё так повезет?! Я, конечно, согласилась. Денег и тогда было мало. Так что я сэкономила как могла, чтобы привезти подарки. О господи, тогда даже майонез был в дефиците, что уж говорить о мандаринах?»

«Что купила?»

«Купила набор банок под сыпучие продукты, майонез, в таких маленьких стеклянных баноч-

ках... Естественно, мандаринов. И Лизке – огромную куклу, ну буквально с неё ростом».

«Но и это же не всё?» – разгонила воспоминания Наталка.

Теперь уже нескончаемой чередой падающие снежинки засыпали стоящую в очереди Наталью и уносили мыслями в ту удивительно тёплую и снежную ленинградскую зиму, где все девчонки ходили в беленьких круглых шапочках из лебяжьего пуха и лёгких курточках, а она парилась в пальто и тёплом платке. Долго потом мечтала, но так и не купила она себе такую шапочку!

«Нить-то не теряй, хотела ж про смешное», – вклинилась Наталка.

«Возвращалась я прямо под Новый год. Ехала поездом до Москвы и уже из Домодедово улетала домой. И провожать на поезд меня пошли несколько землячек. И каждая попросила передать домой небольшой подарочек. Я, конечно, согласилась. Они дружно усадили меня в поезд, загрузили свои подарки, я благополучно доехала до Москвы... И тут обнаружилось, что поднять и вынести из поезда все сумки и коробки мне одной не под силу! Как я тащила по перрону волоком всю свою поклажу, как втиснулась в двери метро, как просила пробегавших мимо мужчин пронести часть сумок и они подхватывали, доносили сумки до места, где им нужно было свернуть на свой поезд, бросали всё и исчезали, а я искала новую «жертву» – это не рассказать, про это надо кино снимать!»

«И откуда что берётся в критической ситуации?!» – поддакнула Наталка.

«Добрые люди на пути попались. Без добрых людей я бы до аэропорта не добралась. Подсказали, и до какой станции доехать, и где билет на электричку купить, и «внесли» и «вынесли» меня из неё».

«И вот сидишь в аэропорту...» – вновь подсказала Наталка.

«Сижжу, спокойная как танк. Всё, я уже дома! А по трансляции повторяют: «У кого багаж больше столько-то килограммов, оплатите заранее». Я сижу в полной уверенности, что ко мне это не имеет ни малейшего отношения. Я ж знаю, что я столько просто не подниму. Объявляют регистрацию на мой рейс. Я пристраиваюсь в очередь, подпнываю свои сумки по мере продвижения вперёд и наконец ставлю их на весы стойки регистрации. Сумки молча забирают, а мне молча выдают бумажку, в которой, к своему величайшему удивлению, я обнаруживаю перевес в сколько-то там! Надо бежать в другой конец аэропорта и срочно оплачивать этот перевес. Я бегу. Добегаю. А там очередь, ну, человек двадцать, не меньше! И все в напряжении – самолёт не поезд, в последний вагон не вскочишь! Очередь лихорадит, нервные импульсы пробегают по ней после каждого объявления диктора с приглашением на посадку. Я встаю в эту очередь и начинаю размышлять, сколько же стоит этот мой перевес? От того же напряжения, что и у окружающих, размышляю я почему-то вслух. Добрые очередивики показывают мне табличку, где можно расценки посмотреть. Я смотрю и опять же вслух пытаюсь перемножить значение в моей бумажке на цифру в табличке. Кто-

то из очереди, видимо, проникся сочувствием к моим арифметическим усилиям, и мужской голос где-то позади подсказал ответ. Вопрос о правильности полученной суммы возникнуть не успел, потому что тут же возникла другая проблема – у меня не хватало одного рубля! Рубль в то время – это был рубль! Трёшку на неделю занимали, и можно было прожить. Я судорожно стала соображать, что делать? Очередь наэлектризовалась до предела, потому что приглашения наконец проследовать на посадку разных рейсов уже не замолкали. Я, готовая зареветь, полным отчаянья шёпотом попросила занять мне рубль у стоящего впереди меня пожилого мужчины. Тот посмотрел на меня так, будто я только что материализовалась из воздуха, и с презрением, достаточно громко сказал: «Нет». Я сгорала от стыда, но деваться было некуда. Ступив на путь унижения, я чувствовала, что это единственный шанс добраться домой. В зоне моей видимости у женщин окаменели лица, плотно сомкнулись губы и недобрыми стали взгляды. Я поняла, что сочувствия от них не дожидаться, и ринулась к стоящему в стороне молодому мужчине. Жалостливо и сбивчиво объяснила отчаянную ситуацию. И, о чудо, получила недостающий рубль! Мир вновь обрёл краски и наполнился звуками. Теперь главное было не опоздать на посадку. Эта же цель была у всех, кто стоял позади меня. Очередь спрессовывалась, люди придвигались поближе друг к другу, пытаюсь хотя бы так сократить расстояние до заветного окошка с кассиром. Пышная дама, что стояла за мной, всё вре-

мя шумно вздыхала, обмахивалась платочком и истерично повторяла, судя по всему, на украинском: «Ой, не могу, опоздаем, ой, невозможно ж мне!» Внешняя и внутренняя сущность очереди разлились так же, как неподвижная гора динамита с огоньком, стремительно бежавшим по длинному шнуру. Промедление грозило взрывом. В кассовое окошко одновременно втискивалось столько голов, сколько позволял его проём. Наступил момент, когда очередь втолкнула и мою голову в это окно. Я протянула квитанцию и высыпала на стол из потной ладони смятый рубль и последнюю мелочь. Кассир что-то прибрехала на счётах и равнодушно сказала: «Ещё 20 копеек». Мой мозг взорвался. Я была в ужасе. И дальше произошло то, чего я меньше всего от себя ожидала. Повернувшись к нервной даме, я приказным тоном выкрикнула: «Ещё 20 копеек!» Нервная дама среагировала моментально. Она повернулась лицом к очереди и так же по-командирски крикнула в ее гуцу: «Ще двадцять копійок!» Очередь будто ждала приказа! По принципу домино клич мгновенно передавался из уст в уста и очень быстро вернулся ко мне 20-копеечной монетой!

Под медицинской маской, конечно, не видно, но появившиеся вокруг глаз мелкие морщинки говорили о том, что Наталья широко улыбается и готова захохотать в голос, вспомнив в красках весь этот давний курьёз.

Как легко ей было тогда вышагивать по аэропорту. И не было уже страха, что самолёт улетит без неё. Ничего плохого с ней уже случиться не могло. Она чувствовала тогда, что какая-то незримая сила

бережёт её и охраняет. Квитанция со штампом «отплачено» была как будто пропуском в мир, где все друг друга любят, все друг другу помогают.

«Наталка, как могла я растерять это?»

Ответа не последовало. Наталка пропала так же неожиданно, как и появилась. А Наталье вдруг представилась вся её жизнь целиком как ночное небо с редкими яркими звёздочками: вот звёздочка – мама, вот – Лизка родилась, вот – та поездка в Ленинград. Ещё какие-то мерцали, но мелкие, едва заметные, а вокруг темнота.

– Женщина, у вас двух рублей не найдётся? – мутноватое создание с признаками явного неблагополучия в одежде и судьбе вывело Наталью из оцепенения.

– Что? – не сразу выскочила из воспоминаний Наталья.

– Извините, конечно, двух рублей не хватает, – потерянным голосом повторило просьбу «создание».

– Да-да, я сейчас, – засуетилась Наталья, удивляясь вдруг захлестнувшей её жалости. Достала кошелек и выловила оттуда непослушными пальцами двухрублёвую монетку. – Возьмите!

– Уж простите меня, – ещё раз выразил своё сожаление проситель и сунул по эстафете монету в окошко киоска. – Не рассчитал.

– Ничего-ничего! – Наталья вложила в слова всё ободрение, на которое была способна. – С кем не бывает!

Странно, но после такого пустячного жеста вдруг побежали мурашки по спине, чуть быстрее двинулись жизненные соки, полегчало.

«Вот я и вернула «рупь двадцать», – мелькнуло в голове у Натальи.

– Дама, вам взвесить или мечтать будете? – громкий жизнерадостный окрик окончательно вернулся в реальность.

– Взвесить! – с весёлой решимостью ответила она киоскёрше. – Мандаринов!

– Каких? – оценивая никчёмность покупательницы, спросила продавец.

– А всех! Понемногу!

Зазвонил телефон.

– Маам, привееет, ты где?

– Лизочка! Привет, родная моя!

Я на рынке, мандаринами затариваюсь. А ты где? Как твои дела?

– Я дома, мам! Я приехала на праздники, жду тебя, жду...

– Ты приехала?!! Что ж ты ничего не сказала, не предупредила?

– Сюрпризз, мам!!! Я ёлку наряжаю. Иди скорее домой!

– Я иду к тебе! Иду, жизнь моя!
